

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

М. А. Соколова

(Ленинград)

Вопросу о церковнославянизмах или книжной лексике, которая пришла к нам из старославянского языка, тем самым пополнив лексические богатства русского языка, посвящена более чем значительная научная литература. Мы имеем ряд монографий, начиная с работы проф. С. К. Булича¹ и кончая, быть может, книгой П. Христовой-Филковой², и еще большее количество статей. Но несмотря на это, вопрос о церковнославянизмах нельзя считать решенным и исследованным до конца. Нельзя также забывать и о том, что вопрос о них теснейшим образом связан с другой, мы бы решились сказать, более важной проблемой о природе и характере языка первых оригинальных памятников русского языка, таких, как „Русская Правда“, Труды Владимира Мономаха и др., а затем и с русским литературным языком последующих периодов.

Вопрос о характере литературного языка наших ранних оригинальных памятников, начавшийся более ста лет тому назад, нельзя считать закончившимся и в наши дни. Полагаю, что в данный момент он является, быть может, более острым, чем двадцать лет тому назад.

Акад. И. И. Срезневский в своей работе „Мысли об истории русского языка и других славянских наречий“³ высказал мысль о том, что русский литературный язык *в своем зарождении* (подчеркнуто мною, М. С.) не был языком русским, а старославянским. Хотя это высказывание не было подкреплено убедительными доказательствами, однако оно было принято таким авторитетным учёным, каким был академик А. А. Шахматов. Хотелось бы заметить, что обращение к богатейшему научному наследию А. А. Шахматова даёт некоторые основания убедиться в том, что по этому вопросу у Шахматова А. А. были колебания и в ряде случаев противоречивые высказывания. Так в рукописном курсе по истории русского языка, читанном в 1919—1920 году, на 7 странице он, говоря о восточных славянах и отмечая, что они заимствовали верования, военный быт и т. д. у других народов, пишет: „Но один из этнографических признаков племени — язык оказывается исконным достоянием народа“.

Рядом с этим высказыванием следует привести и другое, из которого становится очевидным признание более, чем значительной роли старославянского языка даже в современном русском языке. В „Очерке современного русского литературного языка“ 1925 г. читаем: „Из предложенного обзора

1 С. К. Булич. „Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке“. СПб. 1894 г.

2 П. Христова-Филкова. „Из историята на руско-българските езикови връзки“. Издат. „Наука и изкуство“. София, 1963 г.

3 СПб, 1887, стр. 76.

церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном составе он на половину, если не более, остался церковнославянским”⁴.

Приходится сказать, что эти строки и в период выхода книги меня удивили, и мне трудно было признать их правильность.

Ближайший ученик акад. А. А. Шахматова, С. П. Обнорский не мог принять существующее положение о русском литературном языке старшего периода и решил произвести тщательный анализ оригинальных русских памятников старшего периода, памятуя, что „русский литературный язык старшего периода специальному исследованию не подвергался”⁵.

С 1934 г. появляется ряд его статей с типичными и яркими заглавиями: „Русская Правда как памятник русского литературного языка”⁶, „Слово о полку Игореве как памятник русского литературного языка”⁷ и др.

И только через 12 лет, собрав обильные материалы, акад. С. П. Обнорский обобщает свои наблюдения и приходит к соответствующему выводу, который и изложен в его книге „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода”, вышедшей в 1946 г. В ней, с моей точки зрения, убедительно показано, что язык древнейших наших оригинальных памятников — язык русский (скажем точнее — восточнославянский), самобытный, а не старославянский, как предполагали предшественники С. П. Обнорского. Эта новая точка зрения нашла себе поддержку. Появился ряд рецензий, и книга получила первую государственную премию. Эта работа С. П. Обнорского высоко оценивалась специалистами. Так член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин в своей рецензии на эту книгу писал: „Выход в свет этой книги — большое событие в науке о русском языке” и ниже: „Тщательный анализ языка ценнейших памятников оригинальной русской литературы, теоретически новая и смелая постановка проблемы сложения и развития русского литературного языка характеризуют труд С. П. Обнорского”⁸.

Проф. П. Я. Черных справедливо полагает, что „главная заслуга С. П. Обнорского заключается в смелом выдвижении нового положения о самобытности русского языка”⁹.

Покойный проф. Л. П. Якубинский, исследуя позднее те же самые памятники, заявил, что автобиография Владимира Мономаха „написана на чистейшем русском языке”¹⁰. Рассматривая „Русскую Правду”, он же писал: „Церковнославянских элементов мы здесь не найдем”¹¹.

Но рядом продолжает жить и прямо противоположная точка зрения. С нею мы встретились в книге проф. В. И. Борковского и П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка”, которая вышла в изд. АН СССР в 1963 г. В ней на 28—29 стр. авторы, говоря о том, что на протяжении XVI—XVII вв. создаются предпосылки для образования русского литературного языка на живой национальной основе, пишут: „Однако до конца XVII в. включительно в качестве литературной нормы у нас господствует

4 Стр. 44.

5 Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Изд. АН СССР, 1946 г., стр. 3.

6 Известия ООИ АН СССР, 1934 г., № 10, стр. 749—779.

7 Книга „120 лет Ленинградского Государственного Университета”, 1939 г. и журнал „Русский язык в школе”, 1939 г., № 4.

8 Вестник Лен. Гос. Университета, 1949 г., № 10, стр. 109—110.

9 Журнал „Русский язык в школе”, 1948 г., № 5.

10 Л. П. Якубинский. „История древнерусского языка”, Учпедгиз, М., 1953 г., стр. 303.

11 Там же, стр. 300.

(а почему не господствовал? М. С.) церковнославянский язык, используемый не только в церковнобогослужебных целях, но обслуживающий самые различные литературные жанры. Окончательный переход к собственно русскому литературному языку осуществляется лишь в XVIII веке" (С Петра I).

При таком положении естественно возникает вопрос такого порядка: а наши памятники деловой письменности как раннего времени („Русская Правда", Труды Владимира Мономаха, изумительное по богатству и красоте „Моление Даниила Заточника", наши грамоты и т. д.), так и более поздние („Судебники", „Стоглав", „Домострой" и т. п.) разве написаны не на литературном русском языке?

Дело в том, что лишь после принятия христианства, вместе с которым появились книги из Болгарии, начинается влияние болгарского (старославянского) языка на язык русский. В этот период оно не было значительным. Хочется отметить исключительно умелое использование как его лексики, так в меньшей мере его форм. Я бы решилась сказать, что уже с этих пор зарождаются начатки „высокого" стиля, усваивается исключительно умелое использование как лексики близкородственного языка, так частично и его форм. Это особенно ярко, пожалуй, можно наблюдать на творениях Вл. Мономаха, сравнивая, с одной стороны, его „поучение" и частично письмо к Олегу, а с другой — его автобиографию, где он описывает свою жизнь, походы, охоту и т. д. Во всяком случае специалисты, полагающие основой русского литературного языка — язык старославянский, оперируют в первую очередь лексическими данными, естественно учитывая фонетические моменты, а именно прежде всего неполногласные образования (страна, град, вред, время и т. д.) и даже рефлексy сочетаний *d + j* и *t + j*, т. е. образования типа *вождь* — при *вожь*; *одежда* — при *одежа*; *ноить* — при *ночь*; *горящий* — при *горячий* и т. д.

Задержимся на лексике с неполногласием.

Прежде всего встает вопрос о том, все ли неполногласные формы суть наследие старославянского языка. Этот вопрос, надо думать, требует пересмотра, и в этом отношении наша наука в долгу.

Если крупнейшие лингвисты, в том числе и С. П. Обнорский, говорили о том, что сугубо бытовая лексика типа *корова*, *солома*, *порося* не была затронута влиянием неполногласных форм, то и это утверждение уже заставляет сомневаться в его безоговорочной правильности.

Дело в том, что в рукописном наследии акад. А. А. Шахматова имеется одно высказывание, которое до сих пор как-то еще не было учтено. Между тем необходимо не только внимательное отношение к нему, но и дальнейшие поиски и разъяснения.

А. А. Шахматов в магистерской диссертации „О долготе и ударении в общеславянском языке",¹² к сожалению, не напечатанной, обратил внимание на то, что в русском языке неполногласные формы могут быть только в словах с *исконным нисходящим* ударением (злато — зóлото; враг — вóрог; млад — мóлод; власть — вóлость; страж — стóрож) и т. д., но не с *восходящим* (кóрова, дорóга, горóх, холóп, солóма, берéза и т. д.).

После этого вывода А. А. Шахматов пишет: „Легче всего было бы говорить о церковнославянском воздействии, но тогда останутся необъясненными эти факты". В этой же рукописи имеется упоминание о том, что акад.

Корш давно высказывал мысль, что неполногласные формы в русском языке не заимствованы.¹³

Таким образом, учитывая эти высказывания, едва ли правильно все неполногласные образования безоговорочно считать церковнославянизмами, а лексику, не имеющую параллельных неполногласных форм, типа *солома*, *горох* объяснить тем, что она, имея сугубо бытовой характер, не подвергалась этому воздействию. Ударение здесь, видимо, играло решающую роль.

К сожалению, вопросы акцентологии у нас еще недостаточно разработаны. Однако, если вопрос о церковнославянизмах оставим пока в той плоскости, в какой он пребывает в нашей науке, то и здесь хотелось бы коснуться ряда моментов. В любой работе, характеризующей памятники как прошлого, так и последующего периода, непременно отмечается использование церковнославянизмов как стилистических синонимов, что в какой-то мере справедливо, если брать такие пары как *брег* и *берег*, *мороз* и *мраз*, учитывается иногда их переносное значение, образность, но слишком мало внимания уделяется умелому использованию неполногласных форм в другом плане, а именно — присвоению им новых, несвойственных им значений. Отдельные случаи, такие как *страна* — *сторона*, *глава* — *голова* учитываются, но следует обратиться к другим подобным дублетным парам, характеризующим язык прошлого, а именно к таким как *городь* — *градь*, *ворота* — *врата*, *боронь* — *брань* и т. д. О последней паре очень хорошо говорит в своей работе покойный проф. Л. П. Якубинский,¹⁴ который отлично показал использование и значение как полногласного, так и неполногласного образования, но не учёл важности своих наблюдений, не пошел по этому пути дальше и чётко не формулировал значения своего наблюдения.

Обратимся к некоторым материалам, характеризующим значения полногласных и неполногласных образований.

Церковнославянское влияние впервые начало иметь место после принятия христианства, когда вместе с ним пришли и книги. Вот тогда-то рядом и параллельно с нашими полногласными образованиями могли получать бытование и их неполногласные дублеты, а, может быть, если учесть приведенное выше высказывание А. А. Шахматова, некоторые из них существовали и раньше.

Обратимся к рассмотрению хотя бы некоторых дублетных пар. Существительное *боронь* имело два значения: первое — *ругна*, *луста*, т. е. бой, битва, сражение, и второе — *помеха*, *препятствие*.¹⁵ Но вот является его неполногласный дублет *брань* с тем же значением. Русские люди используют эти два варианта своеобразно: полногласное образование получает значение *защита*, *оборона*, а за его неполногласным дублетом закрепляется другое, быть может, более важное значение — *война*, *битва*, *сражение*. Приведем некоторый иллюстративный материал. Так в „Слове о полку Игореве” находим: „Ольговичи храбрыи князи доспели* *на брань*” (на битву, на сражение — М. С.) и там же: „Ярь Турь Всеволодь стоиши *на борони*, прыщеси на вои стрелами, гремлеши о шеломи мечи харалужными”. (Стоиши на оборони = обороня-

13 К сожалению, это высказывание акад. Ф. Е. Корша мною пока не обнаружено.

14 Л. П. Якубинский. О языке „Слова о полку Игореве”. Доклады и сообщения Института Русского языка АН СССР. 1948 г., кн. 2.

15 „Материалы...” И. И. Срезневского, т. I, стр. 154.

* По техническим причинам вместо букв „ять” и „юс малый” печатаются буквы е и я с жирным шрифтом.

ешь, защищаешь — М. С.). То же находим и в других памятниках. Приведу примеры из Новгородской I летописи: Когда бяше *брани* быти на поганя, тгда ся начаша бити межи собою (6726), Юрии . . . самъ хоте особъ *брань* створити съ татары (6746); *Брань* створити съ фрягы (6712) и рядом: Поиди, княже, къ намъ *боронити* своя отчины (6856); Мне было вамъ княземъ великимъ быти, а вась мне было *боронити* (6907).¹⁶ Две *брани* съ ними учиниша (Иное сказание); *Брани* же и крови разливатися повсюду (там же); Вместо *брани* бысть миръ, а тако преста *брань* въ тои день". (Катырев—Ростовский¹⁷). Уже бо ста Туръ на *боронь* (Задонщина).

Глагол *боронить*, как переходный и несовершенного вида, отмечает последний 17-титомный „Словарь современного русского литературного языка", сопровождая его пометой „устар. и обл." и приводит такие примеры: „Бились, суда *бороня*, с Беотийцами вместе сражаясь". Гнедич. Илиада XIII 694.

Получив приставку *О* и другой суффикс — глагол *оборонять*, *оборонятся* является достоянием и нашего языка, сохранив свое бывшее значение — защищать, охранять, защищаться и т. д.

Но и неполногласное образование *брань* имеет свою сложную историю. Оно теряет свое прежнее значение, так как обрастает значительным рядом синонимов: бой, битва, война. Вероятно, первоначально оно получает значение междоусобицы, ссоры, распри, о чём свидетельствуют факты уже XVI века. Так в „Домострое" читаем: *Брань* и побои и гневъ никако же не было (Конш. 38); И гостя пьяново беречи, чтобы не истерялъ чево и *брань* бы не была (49); А на дороге и в пиру и в торговле отнюд самъ *брани* не зачни (64).

Упомянутый выше 17-томный словарь отмечает значения этого существительного: 1. — оскорбительная ругань; 2. Устар. — война: „Поют потехи *брани*, дела былых времен, и взятие Казани, и Астрахани плен". А. К. Толстой. Кн. Михайло Репнин; (Пленник) Любил их жизни простоту, гостеприимство, жажду *брани*. Пушкин. Кавк. пл. и, наконец, значение уже переносное *борьбы*, — что и подтверждается цитатой из М. В. Ломоносова: „Под видом ложным почтения богов Закрыт был звездный мир через множество веков. Боясь падения неправой оной веры, Вели всегдашню *брань* с наукой лицемеры". Письмо о пользе стекла. В этом отношении представляют интерес такие пары, как *городъ* — *градъ*, *ворота* — *врата* и др. Обращение к текстам дает возможность полагать, что образование *городъ* широко использовалось в нашем значении, а его неполногласный вариант *градъ* означало крепостную стену, кремль.¹⁸

16 „Материалы" И. И. Срезневского.

17 Повесть князя И. И. Катырева-Ростовского. СПб, 1908, стр. 139.

18 Размеры статьи не дают возможности привести значительный иллюстративный материал. Его я дам в других моих статьях.